

Проблема

Важнейшей особенностью российской постсоветской истории стало то, что традиционно сильная центральная власть всё больше «перетекает» в нижние горизонты управления. Число участников политического процесса при этом растёт. Указанные моменты объективно проявились на фоне упадка государственных ценностей и деградации созидательной политической воли центра. Так, если к лету 1992 г. можно было уверенно говорить о начале процесса перемещения центра реальной власти на региональный¹ уровень, то к осени 1993 г. российские провинции сосредоточили в своих руках около 60% полномочий федеральной власти. Остальные 40% делили между собой враждующие высшая законодательная и исполнительная ветви власти². Другими словами, государство перемещается в провинцию, а местные правящие элиты³ — в центр общероссийской политики. Сегодня все 89 субъектов Российской Федерации отличаются друг от друга, пожалуй, даже в большей степени, чем государства Европейского Союза. Как отметил директор Института Кеннана Блэр Рубл, «Москва, оставаясь психологическим якорем для жителей всей страны, будет, скорее, напоминать Рим, нежели Париж — национальную столицу как символ национального единства для регионов, стремящихся к самоопределению в соответствии с местными экономическими и политическими связями»⁴.

Традиционные взаимоотношения между Москвой и провинцией трансформировались. Уже сейчас отличные от советской версии, эти отношения в течение ближайших лет могут измениться кардинально. События в Чечне — всего лишь иллюстрация того, какие экстремальные сценарии возможны в данной связи.

Характер подобной эволюции, помимо прочего, был задан суверенизацией и самоутверждением региональных элит. Региональные лидеры приобрели значительную автономию по отношению к центру, усиливают опеку над обществом. Провинциальные элиты в современ-

ной России составляют правящие меньшинства, которые играют стратегическую роль в процессе принятия решений на локальном и федеральном уровнях. Их идеологические позиции и политически релевантные взгляды, ценности представляют собой решающий фактор поведенческих норм в политических системах регионального типа. Следовательно, региональные правящие группы в новейшей России могут быть рассмотрены как чётко различающиеся единицы политического анализа.

Развивающийся регионализм и выдвижение локальных правящих элит в центр общероссийской политики поднимают многочисленные и важные вопросы. Каковы ресурсы и границы сепаратизма и регионализма в российских провинциях? Вселяют ли перспективы дальнейшего развития регионов надежду на стабильное и эффективное функционирование российского государства? Или Россия может превратиться в поле боя для конфликтующих этнических и региональных групп, борющихся за своё собственное доминирование?

Эти вопросы становятся особенно актуальными в условиях, когда российское общество испытывает экзистенциальный кризис в поисках концепции своего бытия. Центральное руководство до некоторой степени испытывает чувство отчаяния, пытаясь выискать единую мировоззренческую логику собственных усилий. Меру этого отчаяния выразил в 1996 г. президент Ельцин Б.Н. в призыве разработать в течение года «российскую национальную идею».

В условиях общероссийского идеологического коллапса многие региональные политики осуществили в своём мышлении качественный скачок, суть которого — переход к действиям в политических и геополитических категориях. Это означает, что локальные элиты и вырабатываемые ими идеологии выступают как силы развития, актуализирующие разнонаправленность векторов российского политического устройства.

Необходимость исследования политических представлений региональных элит обусловлена актуальностью осмысления миропонимания и идеологии этого важного субъекта российской политики. Анализ политических установок лидирующих групп российских земель даст понимание драматической бризантности нашего общества, а также путей, по которым может пойти развитие России.

Состояние научной разработанности темы

До начала 90-х годов исследования отечественного регионального политического лидерства были довольно редки. В предшествующие десятилетия (60-80-е гг.) самой заметной фигурой в изучении властвующих групп советских республик и регионов оставался американский учёный Джеффри Хаф. В своей заслуженно знаменитой книге «Советские префекты» он предложил анализ, фокусирующий внимание на пренебрегавшемся ранее измерении советской политики — характере власти местных партийных лидеров⁵.

Однако коллапс СССР и развернувшаяся в «новой» России хаотическая фрагментация власти поставили проблему региональных правящих элит в центр политологических исследований. Более того, эти процессы генерировали настоящий взрыв исследовательского интереса к вопросам региональной власти и природе локальных политических изменений в России. Характерной особенностью научных изысканий в данной сфере можно считать то, что исследование региональных процессов изначально стало вестись параллельно российскими и западными специалистами. Последние получили по сравнению со своими предшественниками — советологами старшего поколения — несравненное преимущество: возможность посещать провинциальные города, прежде закрытые для иностранцев, и улучшенный доступ к местным политикам и политической информации. Со временем указанное параллельное развитие в некоторых своих чертах переросло в научную интеграцию российских и западных учёных⁶.

Нарождающаяся российская политическая наука была вынуждена ответить на вызов стремительно развивающейся регионализации государства. Первые работы российских учёных в этой области носили постановочный и во многом интуитивно-публицистический характер в силу своей недостаточной эмпирической обоснованности. К ним относятся исследования «первой волны» таких авторов как В. Мохов, М. Малютин, А. Криндач и Р. Туровский, В. Березовский и В. Червяков⁷. Одновременно происходило быстрое развитие источниковой базы, а начатый в рамках данного процесса исследовательский поиск позволил создать интересные работы. Труды О.В. Крыштановской, М.Н. Афанасьева, Ю. Тарасова, Д. Бадовского и А. Шутова, А.В. Понеделкова, А. Огарёва, М.Х. Фарукшина характеризуются заметно

большей концептуальной зрелостью и значительным вовлечением эмпирических данных⁸.

Из результатов зарубежных учёных прежде всего надо отметить достижения профессора Оксфордского Университета Мэри Маколи. Её статья о политических изменениях в российских провинциях стала первой и наиболее цитируемой на Западе работой по отечественным региональным политическим элитам⁹. В своей новой книге, вышедшей в 1997 г., М. Маколи продолжает исследование политических изменений в российских регионах¹⁰.

Среди зарубежных работ по проблемам политического процесса в российских регионах следует выделить также труды коллектива учёных из Центра Русских и Восточноевропейских Исследований (CREES) Бирмингемского Университета под руководством профессора Филипа Хэнсона. В центре их анализа — взаимодействие политики и экономики на региональном уровне. Особое внимание привлекается к изучению локальных возможностей для автономного развития регионов в сторону рыночной реформы и рассматривается вопрос, существует ли институциональная структура, баланс властей и система стимулов, ведущие к радикальным изменениям «снизу»¹¹.

Заслуживает также внимания сборник докладов американских учёных под редакцией Теодора Фредгута и Джеффри Хана «Местная власть и постсоветская политика»¹². Из этого сборника особый интерес представляет работа Джоэля Мозеса «Саратов и Волгоград, 1990-1992: История двух российских провинций»¹³. Основным вопросом, ответ на который стремится получить Мозес, является вопрос о причинах политической диверсификации соседних, исторически связанных и во многом схожих регионов в период политических изменений 1989-91 годов. Для нашего анализа важно то, что в работе подробно описываются «расклады» в саратовской элите и факторы, повлиявшие на политическое развитие в регионе. В его статье довольно точно определён характер партийной элиты в 1960-80-е годы и её роль в трансформационных процессах постперестройки¹⁴.

Работы перечисленных зарубежных авторов выгодно отличает умелая постановка исследовательских задач, широкое вовлечение количественных показателей, биографических данных и многовариантных статистических анализов. Однако при всей эмпирической корректности, некоторые из них не дают адекватной картины российской

политики. Например, Джеффри Хан повторяет сомнительные тезисы о «косной провинции» и «демократической столице», занимаясь поисками того, каков характер противодействия рыночным реформам со стороны локальных политических сил¹⁵.

В отдельную группу целесообразно выделить работы политологов, посвященных анализу личных характеристик представителей региональных элит. В них изучаются биографические данные, представлен количественный анализ рекрутирования элит, рассматриваются пути карьеры провинциальных политиков. Приоритетная роль здесь принадлежит О. Крыштановской, С. Уайту, М. Тарасову, М. Фарукшину, Дж. Хьюзу. Для нас в их работах наиболее важен анализ конкретных механизмов генезиса элитных группировок, рассмотрение преемственности и изменений в процессе циркуляции правящих групп в переходном контексте¹⁶.

Вопрос о генезисе элит можно считать наиболее хорошо изученным в российской научной литературе по сравнению со многими другими проблемами, которые от этого не становятся менее существенными. Важной составляющей процесса генезиса элит является характер межэлитных связей, внутренней мобильности и дифференциации различных властвующих групп. Данные сюжеты развиваются в исследованиях С. Борисова, В. Гельмана, Р. Галлямова, А. Дука, И. Куколева, П. Штыков, Н. Мелвина и др.¹⁷ В этих работах политическое развитие России и её регионов рассматривается в свете дискуссии о перспективах формирования «сообщества элит» в направлении преодоления раскола между его членами. Однако такой подход наталкивается на неразрешимую пока дилемму. Она состоит в определении того, какой потенциал таит в себе указанная консолидация: демократический или авторитарный. Пока же большинство авторов считают проблематичным возможность постепенного перехода к демократии через консолидацию различных сегментов региональных элит и освоение ими внешне демократических форм отправления власти.

Наиболее близко к рассмотренному подходу стоит группа публикаций, анализирующих избирательные процессы и борьбу за власть в регионах в рамках новых демократических институтов. Это работы О. Григорьева и М. Малютина, Н. Петрова, Д. Слайдера, Г. Голосова¹⁸. Данные исследования позволяют увидеть процессы складывания

протодемократических организаций в регионах и характер связи межэлитных взаимодействий с институциональной структурой.

Весьма продуктивным является анализ взаимоотношений внутри элитных групп и между элитами и другими слоями регионального сообщества в рамках клиентелистских подходов. Наиболее успешно данный подход реализован в работах М. Афанасьева и И. Куколева¹⁹.

В указанном же ключе можно рассматривать последнее достижение американской исследовательницы — Кэтрин Стонер-Уайс из Принстонского Университета. Её книга «Локальные герои. Политическая экономия российской региональной власти»²⁰, основанная на сравнительном анализе 4-х российских регионов (Нижегородской, Тюменской, Ярославской и Саратовской областей) заслуживает особого внимания. Автор ставит целью объяснить, почему в одних провинциях существовали действенные и эффективные власти («локальные герои»), а в других — нет. Используя новые данные экономических, политических и социальных наук в сочетании с продолжительной работой в российских регионах по сбору первичных данных, автор пытается объяснить причины и смысл этих различий. Основная гипотеза исследования состоит в том, что в переходной ситуации образование коалиций между экономическими и политическими элитами может иметь позитивный эффект на результативность власти. Автор доказывает, что локальные власти способны осуществлять эффективную политику лишь в регионах с высокомонополизированной индустрией. Наличие в регионах концентрированных экономик (company towns) фокусировало региональные интересы и повышало взаимозависимость экономических и политических акторов. Вопросы, поставленные в книге К. Стонер-Уайс, чрезвычайно актуальны и стимулируют поиск корпоративных составляющих политического поведения региональных элит.

Интересным фактом в исследовании региональных политических процессов стал научный проект «Изменение славяно-евразийского мира», частью которого является изучение политических процессов в российской провинции. Проект финансируется Министерством образования Японии под руководством доцента Центра славяноведения при Хоккайдском Университете (Саппоро) К. Матцузато. Результатом этой деятельности стал выход на русском языке серии томов «Регионы России: хроника и руководители»²¹. Серия претендует на

пространственный охват политических процессов всей российской провинции, включая политическую историю регионов. Здесь представлена ценная информация, включающая сведения о политическом пространстве современной России, регионов как моделей политического развития, избирательных циклов и электоральном ландшафте провинций, а также социально-политические портреты регионов. Аналогичный характер носит труд сотрудников Московского Центра Карнеги «Политический альманах России» под редакцией М. Макфола и Н. Петрова²².

Итак, состояние дел в литературе по российскому регионоведению позволяет констатировать, что выявление политических убеждений, элементов мировоззрения и основополагающих политических стимулов локальных правящих меньшинств, позволяющих понять проблему «элита и развитие», остаётся для российской политической науки явно маргинальным сюжетом.

Тем не менее, постепенно происходящее взаимное освоение социально-политической эмпирики и социально-политического теоретизирования, безусловно способствует постановке и исследованию данной проблемы. Трансформационной и институционализирующей роли элит посвящен доклад И. Дискина²³. По его мнению, в условиях слома всей прежней системы социальных институтов элитам принадлежит беспрецедентная роль в становлении новых социально-экономических институтов. Л.В. Бабаева, Е.Л. Таршис, Л.А. Резниченко в рамках проекта по изучению процесса воздействия российской элиты на трансформацию современного российского общества концептуализировали сущностную сторону «совокупного сознания (поля сознания)» элиты в понятии **программирующей функции** элиты²⁴. Исследование значимых для российской политической элиты интересов и движущих сил, предпринятое британским учёным Д. Лэйном и российской исследовательницей Е. Мелешкиной, выявило особую роль политических ориентаций властвующего слоя в изменении общества²⁵. Таким образом, социологическое и политологическое исследование упомянутых и некоторых других авторов²⁶ зафиксировали существенную особенность политической жизни правящих элит—производство идеологий, выработка программ и проектов модернизации общества. Однако такого рода деятельность правящих групп в современной России не стала предметом всестороннего анализа, она не концептуализирована в контексте отечественного политологического дискурса.

Такое состояние дел отчасти можно объяснить существованием устойчивого предубеждения ко всему идеологическому, о чём более подробно будет сказано в одном из разделов этой работы. Исследователи, изучающие элиту, считают идеологическую политику заведомо радикальной, а потому — антисистемной²⁷. Логика же нашего исследования приведёт нас к совершенно противоположному выводу.

Что же касается регионального уровня российской политики, то проблема идеологического политического вызова провинциальных правящих групп, отчётливо резонирующая с дилеммами и вопросами локального развития, остаётся совершенно неизученной в нашей науке.

Исследовательские ориентиры

Главным **объектом исследования** является региональная политическая элита, в состав которой, по мнению автора, правомерно включать тех представителей локальной власти, кто формирует «повестку дня» местной политики и принимает основные решения.

В качестве **предмета исследования** рассматриваются политические убеждения, значимые интересы и движущие мотивы локальных элит в сравнительной перспективе.

Цель данной книги — исследовать и выделить идеологические и политические реакции региональных элит России на вызовы современного переходного периода; выявить механизм поиска региональными правящими элитами новых идентичностей и институтов на материале 4-х поволжских регионов. Реализация поставленной цели потребовала решения следующих **основных задач**:

♦ рассмотреть генезис и основные методологические варианты эволюции таких понятий как «политическая элита», «политическая идеология», концептуализировать их роль в процессе развития российской регионализации;

♦ определить предпосылки и причины российской регионализации, разобрать наиболее важные черты системного кризиса российского общества на рубеже 80-90-х гг. и нараставшей с 1991 г. политики провинций;

♦ выявить феномен региональных политических идеологий, исследовать процесс локализации политических и экономических интересов местных элит в масштабах своих сообществ;

♦ очертить аналитическую конфигурацию исследования для кросс-регионального сравнительного изучения политических элит 4-х российских субъектов РФ;

♦ раскрыть сущностные черты идеологии регионализма в сравнительной панораме, произвести идентификацию основных идеологических конструкций, символов и смыслов в различных российских провинциях;

♦ рассмотреть основные тенденции и логику элитогенеза в выбранных четырёх провинциях, разграничить типы межэлитных взаимодействий и внутриэлитных иерархий в каждом исследуемом регионе;

♦ идентифицировать структуры региональных идеологий и структуры провинциальных политических элит для доказательства того, в какой степени целостность и системность идеологии адекватны прочности внутригрупповой организации регионального правящего персонала²⁸;

♦ описать функции региональных идеологий как политических детерминант в создании локальных моделей развития, оценить потенциал регионального политического целеполагания в формировании самобытных экономических и политических структур на местах.

Методологическое обоснование исследования

Исследовательские ориентиры формировались и уточнялись во внутреннем диалоге с существующими теоретическими подходами к проблеме российского регионализма, в процессе критики устоявшихся суждений о способе реализации локальной власти.

Прежде всего, в работах многих специалистов, посвященных российскому регионализму и федерализму, трудно увидеть в субъектах федерации что-либо большее, нежели потенциальных противников в борьбе за ресурсы и власть²⁹. Согласно такой точке зрения, Федерация рассматривается примерно как сообщество «X+1», где X — субъекты Федерации, а 1 — национальное правительство. В таком рассмотрении взаимоотношения «центр—регионы» сводятся к сугубо материально-ресурсному фактору «получения-отдачи». Этот механистический подход создаёт несколько ограниченную картину российской политики. Внимание отвлекается от важных и, как представляет-

ся, наиболее уникальных характеристик регионального политического функционирования.

Если же подойти к рассмотрению и субъектов Федерации, и национального правительства как акторов более сложного, более интегрированного политического процесса, то понимание российской политики будет принципиально другим. Принципиально иным будет и определение «ключевых игроков» этой политики. Вместо того, чтобы рассматривать их в качестве составляющих некоего политического агрегата, можно говорить о лидирующих группах, которые (не переставая быть максимизаторами собственной выгоды) обращаются к избирателям за поддержкой, провозглашая ориентиры своей политики и формируя собственные идеологии.

Другой аргумент, подчёркивающий значение идеологического в политике, позволяет выдвинуть следующее методологическое обоснование. Очень многое из того, что нам известно о политике, заключается в наших сведениях о структуре власти, принимаемых решениях и подписываемых договорах. Такое понимание лишь частично раскрывает подлинные движущие мотивы правящих групп. Тем не менее, стало модным считать, что всякая политика—это явление второго порядка по отношению к некоторой системе принимаемых решений³⁰. Но не секрет, что принимаемые решения, так же, как и сам процесс их принятия, находятся в полной зависимости от политических стимулов и эгоистических интересов властвующих элит. Затаённые цели, мотивация, ценности, система взглядов политически активного слоя будут обуславливать его поведение. Поэтому столь же определённо можно сказать, что всякая система принятия решений есть явление второго порядка по отношению к некоторой системе субъективных политических установок правящих меньшинств. Не случайно американские политологи Питер Бахрах и Мортон Баратц предостерегали от «изучения политических проблем раньше, чем изучение ценностей и уклонов, существующих в политической системе». Такие попытки не без сарказма оценивались ими как стремление «возвести структуру на антресолях без основания фундамента»³¹.

Аналогичным образом Горан Терборн указывал, что в той мере, в которой использование символов способствует укреплению власти или позволяет бросить ей вызов, объяснение действующего, с точки зрения идеологии и культуры, релевантно для макрополитики и со-

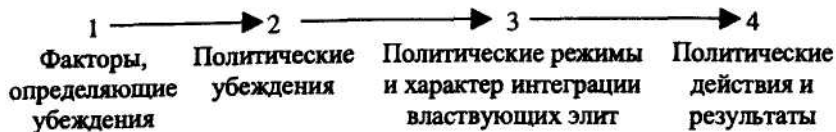
перничают, например, с политическими моделями общественного выбора и принятия решений³².

Добросовестный анализ процесса политической конкуренции властвующих групп в России невозможен без адекватного изучения «мобилизации уклонов» и доминирующих у них ценностей. Вызов от имени этих уклонов и ценностей будет составлять важность проблемы политической идеологии правящих групп российских регионов.

Регионализация рассматривается в работе не как следствие социально-экономических изменений, а как развивавшийся в тесной взаимосвязи с ними и обладавший особой логикой процесс возникновения новых символов, идей, образов и систем ценностей «снизу» — из провинции, и прежде всего во исполнение интересов региональных политических элит. Здесь можно говорить о формировании регионов в качестве «воображённых сообществ»³³. Как будет показано далее, «воображённая» природа региональных сообществ в виде региональных «моделей» и «траекторий» развития вовсе не свидетельствует об их ложности или нереальности. **Следовательно, я изучаю переходные российские регионы как хороший пример попыток политического воссоздания.** Описанию процесса, благодаря которому региональную целостность можно вообразить и, однажды вообразив, затем адаптировать и трансформировать, и посвящено это исследование.

В данной работе исследуется не только то, как региональные политики реагируют на ключевые проблемы, но и то, как они анализируют эти проблемы. Работа ориентирует не просто на оценку региональными держателями власти тех или иных процессов, но и на раскрытие центральных стандартов их политических оценок.

Следовательно, одним из главных приоритетов данного исследования является установление и измерение базовых ориентаций и убеждений региональных лидеров. При этом политические предпочтения, или, как выразился Роберт Патнэм, «предиспозиции»³⁴, локальных политиков будут помещены в каузальный контекст с тем, чтобы выявить их истоки и идти к результатам вдоль причинно-следственной цепочки. Следующая схема, заимствованная от Роберта Дала³⁵, заключает логическую структуру моего исследования:

Такая логика методологического выбора позволяет выявить базовые идеологические установки и убеждения региональных элит, соотнести ценности, утверждаемые локальными правящими группами, что, в свою очередь, чрезвычайно важно для понимания политических процессов в российских регионах и политического развития России в целом.

Примечания

¹ Под регионами здесь и далее понимаются субъекты РФ. Употребляемые в работе термины «провинции», «земли», «локальные сообщества» также обозначают субъекты РФ.

² Павленко С. Центр-регионы: кто-кого?// Международная жизнь. 1993. № 4. С. 91; Московские новости. 1993. 3 октября.

³ Здесь и далее применяется функциональное определение элит — под ними понимаются правящие политические группы, обладающие реальной властью в принятии политических решений.

⁴ Блэр Рубл. Институт Кеннана и региональная Россия // Земство. Архив провинциальной истории России. Пенза, 1994. № 3. С. 35

⁵ Hough J. The Soviet Prefects: The Local Party Organs in Industrial Decision-Making. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1969.

⁶ К наиболее заметным фактам подобной тенденции можно отнести работу О. Крыштановской и С. Уайта (Kryshchanovskaya O. and White S. From Soviet Nomenklatura to Russian Elite//Europe-Asia Studies. 1996. N5. 711-733), а также совместный российско-британский исследовательский проект «Осмысление региональных моделей экономического развития в России» под руководством профессора Филипа Хэнсона из Бирмингемского Университета (промежуточным результатам данного проекта посвящен целый выпуск журнала Communist Economies & Economic Transformation. Vol. 10. № 3. September 1998).

⁷ Мохов В. Политическая элита в СССР // Перспективы. 1991. № 8; Криндач А., Туровский Р. Политическое развитие российской провинции //

Независимая газета. 1993. 11 июня; Березовский В., Червяков В. Современная политическая элита России // Свободная мысль. 1993. № 1-2; Малютин М. «Новая» элита в новой России // Общественные науки и современность. 1992. № 2.

⁸ Тарасов Ю. Правящая элита Якутии: штрихи к портрету // Полис. 1993. № 3; Афанасьев М.Н. Изменения в механизме функционирования правящих региональных элит // Полис. 1994. № 6; Фарукшин М.Х. Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации // Полис. 1994. № 6; Крыштановская О. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1; Понеделков А., Огарёв А. Лидер, элита, регион. Ростов-на-Дону, 1995; Бадковский Д., Шутов А. Региональные элиты в постсоветской России: особенности политического участия // Кентавр. 1996. № 6.

⁹ McAuley M. Politics, Economics, and Elite Realignment in Russia: A Regional Perspective // Soviet Economy. 1992. № 1.

¹⁰ McAuley M. Russia's Politics of Uncertainty. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997.

¹¹ Hanson Ph. Regions, Local Power and Economic Change in Russia. London, 1994; Kirkow P. Regional Warlordism in Russia: The Case of Primorskii Krai // Europe-Asia Studies. 1995. № 6; Transformation from Below. Ed. by J.Gibson and Ph.Hanson. Cheltenham, 1996; Hanson Ph. How Many Russias? Russia's Regions and their Adjustment to Economic Change // The International Spectator. 1997. № 1, January-March;

¹² Local Power and Post-Soviet Politics. Ed.by T.Friedgut and J.Hahn. Armonk (N.Y.)—London, 1994.

¹³ Moses J.C. Saratov and Volgograd, 1990-1992: A Tale of Two Russian Provinces / Local Power and Post-Soviet Politics. Ed. by T. Friedgut and J. Hahn. P. 96-137.

¹⁴ Подробный разбор этой и других работ, посвященных политическому саратоведению, дан в анализе С. Рьженкова (Рьженков С. Саратовская область (1986-1996): политика и политики / К. Матцузато, А. Шатилов (ред.). Регионы России: хроника и руководители. Sapporo:Hokkaido University, Slavic Research Center, Occasional Papers in Slavic-Eurasian World, 1997. № 34. С 93-101).

¹⁵ Hahn J. Reforming Post-Soviet Russia. The Attitudes of Local Politicians / Local Power and Post-Soviet Politics. P. 209-210, 214-215, 231.

¹⁶ Тарасов Ю. Указ соч.; Крыштановская О. Указ соч.; Kryshtanovskaya O., White S. From Soviet Nomenclatura to Russian Elite // Europe-Asia Studies. 1996.

№ 5; Hughes J. Sub-National Elites and Post-Communist Transformation in Russia: A Reply to Kryshatanovskaya and White // *Europe-Asia Studies*. 1997. № 6.

¹⁷ Борисов С. Актуальный политический режим в Нижегородской области: становление в 90-е годы // *Полис*. 1999. № 1; Гельман В. Региональные режимы: завершение трансформации? // *Свободная мысль*. 1996. № 9; Его же. Шахматные партии российской элиты // *Pro et Contra*. 1996. Т. 1. № 1; Его же. Как выйти из неопределённости? // *Pro et Contra*. 1998. Т. 3. № 3; Галлямов Р. Политические элиты российских республик: особенности трансформации в постсоветский период // *Полис*. 1998. № 2; Дука А. Трансформация местных элит (институционализация общественных движений: от протеста к участию) // *Мир России*. 1995. Т. 4. № 2; Его же. Конфликты и компромиссы в структурах региональной политической элиты: типология противоборства // *Северная Пальмира*. 1997. № 9; Куколев И. Региональные элиты: борьба за ведущие позиции продолжается // *Власть*. 1996. № 1; Stykov P. Elite Transformation in the Saratov Region: From Hierarchical Rule of A Monolithic Power Elite to Strategic Interactions of Sectoral Elites // *Arbeitspapiere AG TRAP*. Berlin: Max-Planck-Gesellschaft, 1995. № 5; Melvin N. The Consolidation of A New Regional Elite: The Case of Omsk 1987-1995 // *Europe-Asia Studies*. 1998. № 4.

¹⁸ Григорьев О., Малютин М. Региональная ситуация в России после декабрьских выборов: анализ новых тенденций и политических итогов местных выборов весной 1994 года. М.: Фонд «Дискуссионное пространство», 1995; Петров Н. Выборы представительных органов власти регионов // *МЭиМО*. 1995. № 3; Slider D. Elections to Russia's Regional Assemblies // *Post-Soviet Affairs*. 1996. Vol. 12. № 3; Golosov G. Russian Political Parties and the «Bosses»: Evidence from the 1994 Provincial Elections in Western Siberia // *Party Politics*. 1997. Vol. 3. № 3.

¹⁹ Афанасьев М.Н. Клиентела в России вчера и сегодня // *Полис*. 1994. № 1; Его же. Клиентелизм и российская государственность. М.: Центр конституционных исследований МОНФ, 1997; Куколев И. Указ. соч.

²⁰ Stoner-Weiss K. Local Heroes. The Political Economy of Russian Regional Governance. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997.

²¹ Мацузато К., Шатилов А. (ред.). Регионы России: хроника и руководители. Sapporo: Hokkaido University, Slavic Research Center, Occasional Papers in Slavic-Eurasian World.

²² Политический альманах России 1997 / Под ред. М. Макфола и Н. Петрова. М.: Моск. Центр Карнеги, 1998.

²³ Дискин И. Россия: трансформация и элиты. М.: ЭЛТРА, 1995.

²⁴Бабаева Л.В., Таршис Е.Я., Резниченко Л.А. Элита России: о настоящем и будущем страны // Социс. 1996. № 4.

²⁵Лэйи Д. Перемены в России: роль политической элиты // Социс. 1996. № 4; Lane D. Transition under Eltsin: The Nomenklatura and Political Elite Circulation // Political Studies. 1997. № 5; Мелешкина Е.Ю. Региональная идентичность как составляющая проблематики российского политического пространства // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. Материалы семинара (Тверь, '5-7 марта 1999г.). М.: МОНФ, 1999.

²⁶Kullberg J. The Ideological Roots of Elite Political Conflict in Post-Soviet Russia // Europe-Asia Studies. 1994. № 6.

²⁷Кэтрин Стонер-Уайс, например, утверждает, что идеологически объединённая элита—это просто тоталитарная элита (Стонер-Уайс К. Переход к демократии и консолидация—роль элиты // На путях политической трансформации (политические партии и политические элиты постсоветского периода) / Сб. работ победителей конкурса научных проектов и материалы семинара «Новые элиты и политические институты в СНГ». М., 1997. Вып. 8. Ч. 2. С. 24). А. Остапчук, так же как и другие сторонники такого подхода, противопоставляет «идеологическую» политику «прагматической», неявно ассоциируя политическую риторику с идеологией номенклатурного реванша. (Остапчук А. Алхимия элиты // Pro et Contra. 1996. Т. 1. № 1. С. 111).

²⁸В данной работе термины «правлящий персонал», «элита власти», «лидирующие группы», «держатели власти» выступают синонимом термина «политическая элита» в её функциональном определении.

²⁹См.: Павленко С. Центр-регионы: кто кого?//Международная жизнь, 1993. № 4; Рубл Б. Институт Кеннана и региональная Россия // Земство. Архив провинциальной истории России. Пенза, 1994. № 3; Hughes J. Regionalism in Russia: The Rise and Fall of Siberian Agreement // Europe-Asia Studies. 1994. № 7; Transformation from Below. Ed by J.Gibson and Ph.Hanson. Cheltenham: Elgar Publishing, 1996.

³⁰Данная точка зрения получила особое распространение после появления работы Роберта Дала «Кто правит?», основанной на методе анализа принятых решений (Dahl R. Who Governs? Democracy and Power in an American City. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1961)

³¹Bachrach P., Baratz M. Two Faces of Rowet//American Political Science Review. 1962. № 4. P. 949. Эти авторы приводят высказывание профессора Е. Шаттшнайдера: «Организация—это мобилизация уклона».

³²Терборн Г. Принадлежность к культуре, местоположение в структуре и человеческая деятельность: объяснение в социологии и социальной науке // THESIS. Научный метод. Альманах, 1994. № 4. С. 105-106

³³Наиболее полно и продуктивно концепция «воображённых сообществ» применительно к объяснению феномена национализма и процессам создания национальных государств раскрыта Алексеем Миллером (Миллер А. О дискурсивной природе национализма // Pro et Contra. 1997. Т. 2. №4. С. 141-152).

³⁴Putnam R. The Beliefs of Politicians. Ideology, Conflict, and Democracy in Britain and Italy. New Haven: Yale Univ. Press, 1973. P. 6.

³⁵Dahl R. Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven and London: Yale Univ. Press, 1971. P. 124.